

С Е Р Б И К А

книжная серия

Miloš LATINOVIĆ

ČETIRI LUDILA ŠEKSPIROV KLIJENT

*Banatski kulturni centar
2009*

Милош ЛАТИНОВИЧ

ЧЕТЫРЕ БЕЗУМИЯ
КЛИЕНТ ШЕКСПИРА

Скифия

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.163.41

ББК 84(4Сер)

Л27

Република Србија
Министарство културе и информисања

Перевод книги сделан при помощи
Министерства культуры и информации Республики Сербия

Латинович М.

Л27 Четыре безумия. Клиент Шекспира / Милош Латинович [пер. с серб. В. Соколова]. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2018. — 360 с.

Роман «Четыре безумия» рассказывает о крупнейшем актере, режиссере и реформаторе немецкого и европейского театра конца XIX — начала XX века, сербе родом из города Вранево, осуществившем в Веймаре, Вене и Мюнхене значительные театральные постановки. Подавляющее большинство действующих лиц, включая директора странствующего театра Станислава Мурари, являются историческими личностями.

Роман «Клиент Шекспира» в некотором роде является осмыслением длительной работы в театре, как в родной Воеводине, так и в Белграде.

ISBN 978-5-00025-154-6

© Латинович М., 2009

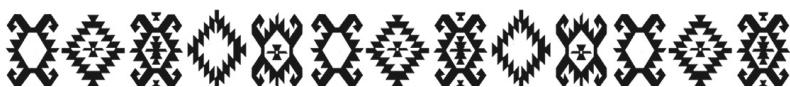
© Латинович М., 2017

© Соколов В., перевод, 2018

© Издательство «Скифия», 2018

© Издательско-Торговый Дом «Скифия», оформление, 2018

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

**ЧЕТЫРЕ
БЕЗУМИЯ**

Король Лир не начнет своего пути к безумию без того брутального жеста, которым он изгоняет Корделию и осуждает Эдгара. Именно поэтому трагедия разворачивается под знаком сумасшествия. Души преданы пляске демонов. В итоге — не меньше четырех безумцев (один по ремеслу, другой по своей воле, еще двое из-за мучений): четыре необузданых тела, четыре невыразимых лика одного и того же удела.

Альбер Камю

*Особым образом вершилась та работа:
Чтобы в одном лице и в жизни до конца
Вместилась вся людская красота,
И чтобы свет, и мрак слились навсегда,
И ангельская сласть, и пламя ада,
Жемчужный свет ликующих небес,
Песнь словья, шипение дракона,
Что в жаркий полдень леденит нам кровь,
И мерзкий дух зловонного дыханья —
Все здесь влилось в один поток.
Случилось чудо... Для нас Шекспира создал Бог.*

Лаза Костиch

МИР, КОТОРЫМ ПРАВЯТ СТРАСТИ

Чудо Ганса Вурста начиналось в то мгновение, когда ярмарочный скоморох начинал орать: «Слушай сюда, народ!» И тогда все собравшиеся на площади люди догадывались, что сейчас волшебные слова и увлекательные истории уведут их в *далекие Индии*, где многие из зевак уже побывали с ним, но все знали и ожидали именно того, что повторное путешествие «туды» будет невероятным, безумным и совсем другим. Ранее не пережитым.

День был прекрасен. Ранняя весна в Альпах. Зеленые луга. Низкое солнце и огромные белые облака.

— Как начать рассказ? — задумался Йоца Савич.

— Если не знаешь, как начать, мой родимый, то начинай с конца, — шепнул ему Иоганн Вольфганг Гете. Облако над Оберсдорфом обрело его лик. Бескрайнее голубое полотно весеннего неба украсили многочисленные кипы хлопка, или же эти необычные, бесформенные украшения были похожи, как помнил Йован, на неосевшие еще взбитые сливки, которые мама выкладывала деревянной ложкой на престол круглого темного бисквита.

Природа — видимый дух.

Дух — невидимая природа.

Фридрих фон Шеллинг все еще был популярен у современников и присутствовал в их жизни роскошным дефиле многочисленных цитат. Романтизм был все еще жив и популярен.

Год 1889.
Месяц апрель.

— Чье имя, какое лицо, какой характер столкновения характеризует наш мир, в котором серая ревность и жестокие страсти преобладают? Вот какая история необходима мне для начала, мой дорогой друг, — продолжил вслух Савич разговор с **великим мастером слова**, который, начиная с веймарских дней, часто являлся в жизни сербского актера и режиссера Йоцы Савича.

Он неспешно спускался в зеленую долину с вершинами Филхорна. Шел по узкой утоптанной альпийской тропе, ведущей к селу, со стороны которого доносилась музыка. Празднество все еще продолжалось. Комедиант Ганс Вурст все еще блистал. Он стоял на телеге, прислонившись к огромной пивной бочке, с единственным реквизитом — колбаской и куском хлеба в руке, улыбчивый и гордый, окруженный многочисленной восхищенной публикой. Артист и мечтатель Гельмут Генрих Ламм по традиции выступал перед местной обердорфской пивной. И этой весной он появился здесь, отважно ступив на импровизированные подмостки, как всегда, после окончания торжественного шествия. Производя невероятный шум, он привлекал внимание пришлых туристов и местных жителей хорошо известным повествованием Ганса Вурста о его невероятном путешествии в *далекие Индии*.

Собравшейся публике рассказ скомороха был знаком до мельчайших деталей, но каждый раз он исполнял эту выдуманную безумную эпопею иначе, по-новому, убедительнее. Увлекательнее. Это говорила его ловкость, в этом скрывалось его мастерство, это была золотая пыль магии, которую он внезапно и театрально, даже ритуально, бросал ввысь, в лицо солнцу, к облакам, на черные шляпы и роскошные кроны деревьев,

ослепляя публику. Савич знал: «Мятущиеся и неуверенные люди ищут ответы, которые приведут их к радости, покою, самопознанию, спасению — но также они хотят, чтобы эти ответы можно было легко узнать, не прилагая особых усилий, или совсем без оных, и легко получить желаемый результат».

Именно это делало Ганса Вурста популярным. Поэтому плебс обожал его. И народ искренне любил. Все с нетерпением ожидали его выступлений. Именно владея редким мастерством комика, Йоца Колбаска, как прозвали его сербы, боролся за успех у капризной и бесцеремонной публики и зарабатывал на горбушку черного хлеба и кувшин винца. Виртуозное повествование — многочисленные повторы и неожиданные каламбуры — обычные приемы удерживали его на плаву.

Артисты, озабоченные театром, от всей души презирали его, издевались над примитивной популярностью. Потому как всякая слава преходяща, но актерская — самая кратковременная. Гистрион царствует недолго.

— Может, именно это — новое истолкование старой истории — и есть искусство, — вслух произнес Савич.

Солнце нашло несколько неправильных промежутков между громадами облаков. Золотые пули попали Савичу в лицо. Их неожиданный удар на миг ослепил его, затуманил взгляд. Йован Савич быстро отвернулся в сторону. К лесу, в котором пел дрозд, и где он давно, в то лето, когда впервые приехал с Луизой в Оберсдорф, нашел гладкий белый валун, на котором росла высокая сосна. Он полюбил сидеть на этом каменном лесном престоле. Расстипал небольшое пестрое одеяло или просто подкладывал свой джемпер, газетные листы или несколько пригоршней сухих сосновых иголок, садил-

ся и молча вслушивался в ритм леса: трепет листвьев, хлопанье крыльев невидимых глазу птиц, лисьи шаги, запах сосновой смолы и журчанье ручейка, говорок невидимой воды, струящейся меж камней в высокой траве, упорно углубляющей русло и продолжающей путь к своей неминуемой тихой смерти в пересохшей, жаждущей земле пустоши или в безграничных пространствах иной воды. Этот покой напоминал ему о детстве и нередких минутах, проведенных в березовой роще неподалеку от Вранева, в местах, что местные жители называют Либе. Поздней весной роща наполнялась запахами теплых дождей, а в январе, после святок, становилась торжественно тихой, ужасно одинокой, укрытой белым одеялом, на котором отчетливо виднелись следы зайцев и серн. Он случайно обнаружил ее. Шестилетним мальчишкой он удалился от дома — очарованный золотым волшебством банатского лета, ничем не скованной свободой голубого неба, увлеченный невероятным теплом тонкой пыли под босыми ногами, соловьиной песней, прыжками серой белочки — и заблудился в роще. Страха не было, просто он обозлился на себя за то, что не спрятался в высокой траве или за большим, вывернутым из земли пнем или за поваленным деревом, и в итоге его довольно быстро нашли. Очевидцы рассказывали, что его бабка Анджелка трижды ударила суковатой палкой по воде в колодезном корыте и сразу сказала, в каком направлении следует отправиться на его поиски. Она его и нашла, и прежде чем вывести из берескового леса, произнесла короткий и неразборчивый заговор, после чего трижды дунула на соль, что была в правой огрубевшей ладони, чтобы отогнать демонов от его лица. Позже, во время каникул, когда он